

/sub

Eva von Redecker

BLEIBEFREIHEIT

S. Fischer Verlage, 2023

Ева фон Редекер

СВОБОДА ОСТАВАТЬСЯ

*Философия свободы
после конца будущего*

Перевод с немецкого
Алексея Костюхина

Individuum, 2026

УДК 123
ББК 87.6
Р33

*В оформлении издания использованы фрагменты
эскиза «Ласточки», Феликс Бракмон, 1882*

Редекер, Ева фон.
Р33 Свобода оставаться. Философия свободы после конца будущего /
Ева фон Редекер ; [пер. с нем. А. Костюхина]. — М.: Individuum,
Эксмо, 2026. — 168 с. — (/sub).

ISBN 978-5-04-218844-2

Принято считать, что понятие «свобода» неотрывно связано с возможностью уйти: сорваться с места, пересечь границы, начать жизнь сначала. Но как быть свободным, если исчезают места, где можно жить, и воздух, которым можно дышать? Что делать, если уехать скоро будет некуда — разве что на другую планету? В этой книге одна из самых ярких представительниц современной немецкой философии Ева фон Редекер предлагает переосмыслить свободу через категорию времени. Свободен не тот, кто может уйти, а тот, кто может остаться — остаться здесь, остаться с кем-то, остаться в живых. Соединяя политическую теорию, экологическую мысль и личный опыт, Редекер превращает философию в способ сопротивления логике бесконечного роста и накопления. «Свобода оставаться» — попытка заново помыслить свободу в мире ограниченных ресурсов, уязвимого будущего и взаимной зависимости всего живого.

УДК 123
ББК 87.6

 individuum /sub

ISBN 978-5-04-218844-2

© Eva von Redecker,
S. Fischer Verlag GmbH, 2023
© Алексей Костюхин, перевод, 2026
© ООО «Издательство «Эксмо», 2026,
Individuum®

СОДЕРЖАНИЕ

Возвращение ласточек	7
1. Изобилие времени	27
2. Наполненное время	71
3. Время изобилия	115
Благодарности	157
Примечания	159

«Обществу сикс-о-клок»
посвящается

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛАСТОЧЕК

Свобода оставаться

Знаете ли вы, каково это, когда возвращаются ласточки? Я знаю многих людей, у кого во дворе есть амбар или сарай, и для каждого из них этот момент что-то значит. Это настоящий праздник, сопоставимый с Рождеством или Первым мая. Даже самый обычный фермер, который выращивает на убой десятки тысяч голов домашней птицы, томящейся в ожидании своей печальной участи, держит окошко сарая открытым, чтобы ласточки могли беспрепятственно влетать и вылетать. Садоводы из соседней деревни лепят искусственные гнезда из глины, чтобы птичьи домики не перегревались под раскалившейся жестяной кровлей. Даже кошатницы грозно окрикивают своих питомцев. Посреди мрачных будней наступающего

антропоцена ласточкам удалось сохранить свой священный статус.

Однако этот день не выделен в календаре красным цветом, и мы не отмечаем такой праздник. Откровенно говоря, мы вообще ничего не делаем — только рассказываем друг другу: «К нам уже прилетели ласточки, а к вам?» Часть волшебства — в том, что ласточки никогда не прилетают к нам окончательно. В отличие от многих других певчих птиц, они почти никогда не садятся на землю. Только во время строительства гнезда они подбирают комочки грязи, уносят немного земли к себе наверх и живут на ней там. Пьют, охотятся и спариваются деревенские ласточки на лету. Они пребывают в своей стихии. И наш мир становится немного шире, когда эти на первый взгляд невесомые создания, радостно кружась, внезапно вновь проносятся над крышами наших домов. Ласточки нам не принадлежат — и все же они прилетают к нам.

В период первой волны пандемии я должна была отправиться в США, чтобы выступить там с несколькими докладами. Сначала я была крайне рада, что меня пригласили. Но, когда стало окончательно понятно, что я не смогу поехать, я отнеслась к этому с удивительным безразличием. Более того, почувствовала настоящее облегчение. Вдруг все это показалось мне счастливой случайностью, как будто мне удалось предотвратить некое тяжкое преступление. О чем я вообще думала, когда собиралась в это время сидеть в салоне самолета, загрязняющего атмосферу выбросами углекислого газа? На коленях у меня — доклад об авторитаризме, а сама я — в плену собственной банальности. В тот день я почувствовала свободу, но не из-за успокоения совести. В конце концов, это ведь не я сделала правильный выбор — все произошло само собой. Это было

не только удивительное чувство безграничной свободы — никаких встреч, никаких жестких сроков, — но и подарок совершенно особого рода. Именно в этот день прилетели ласточки. И я была дома.

Свобода передвижения

В качестве эксперимента я решила назвать это ощущение «свободой оставаться» — свободой, которая приходит с осознанием возможности остаться. Это, безусловно, парадокс. Как можно говорить о свободе в связи с несостоявшейся командировкой? Кроме того, я с самого начала не обязана была соглашаться на эту поездку. И вот, когда она уже была детально распланирована, мне вопреки моей воле не дали в нее отправиться. Невозможность куда-либо уехать нельзя называть свободой. И даже если абстрагироваться от моей конкретной ситуации, отсутствие движения и пребывание на месте в общепринятом понимании никак не ассоциируются со свободой.

Понятие свободы в западной традиции неразрывно связано со свободой передвижения. Томас Гоббс, заложивший в своем труде «Левиафан» основы современной политической философии, писал: «Свобода означает отсутствие сопротивления (под сопротивлением я разумею внешнее препятствие для движения)»¹. Более века спустя английский правовед Уильям Блэкстон отмечал, что индивидуальная свобода заключается «во власти, какую каждый человек имеет переменять место пребывания своего»², то есть в способности к перемещению. Механическое представление о свободе как о беспрепятственном движении может показаться несколько тривиальным, но на самом

деле оно связано с более сложными концепциями. Если считать свободу следствием свободы воли, то она представляет собой пространство решений, доступных этой воле. Либеральная свобода всегда зависит от того, как мы представляем это пространство. По сути, это геометрическая фигура, рамки которой задаются правом; внутри этих рамок нас ничто не должно ограничивать, кроме прав других индивидов. И еще задолго до того, как свобода была провозглашена неотъемлемым правом человека — что радикально изменило ее восприятие, — понимание свободы сводилось к смене места пребывания: свободен тот, кто отправляется из Египта в Землю обетованную; свободен тот город, в котором отменен подневольный труд; свободны Северные штаты, в которых отменено рабство. После введения иллюзорных «равных прав» на свободу это понятие стало сводиться к праву свободного передвижения — то есть к возможности покинуть родную страну, не уплачивая пошлину.

Наконец, свобода передвижения стала одним из факторов, положивших конец недемократическому государственному социализму. На мой взгляд, одна из главных несправедливостей современного мира — это то, как сформировавшиеся за последние двести лет границы национальных государств закрепляют глобальное неравенство ценой десятков тысяч человеческих жизней. Чувство бескрайнего простора, которое охватывает нас при взгляде на перелетных птиц, еще только предстоит сделать доступным для человека. Немецкий паспорт дает мне право на безвизовый въезд в сто девяносто одну страну мира, тогда как жительница Зимбабве, где многие ласточки проводят вторую половину года, не может посетить и трети из них — не говоря уже о странах глобального Севера.

Поскольку свобода и свобода передвижения так тесно связаны друг с другом, совершенно неудивительно, что ограничения, введенные во времена пандемии, многие восприняли как вопиющее нарушение свободы — и не только потому, что люди действительно были заперты в четырех стенах и вынуждены были находиться в домашней обстановке, зачастую пронизанной насилием. Свобода есть свобода передвижения. С этой точки зрения оставаться на месте — значит находиться в нулевой точке свободы.

Расколота́я свобода

Я бы могла назвать свое понятие свободы оставаться прихотью домоседа, привыкшего к работе за письменным столом или в огороде, и больше не возвращаться к этому вопросу, если бы оно не находило отклик в основополагающих политических требованиях современности. Против увеличения добычи угля и вырубке лесов проходят массовые акции протеста под лозунгами «Все деревни остаются», «Данни остается», «Мони остается», «Фехи остается»*. Лозунг движения, выступающего против джентрификации и выселения людей из подлежащих реновации районов, звучит так: «Мы все остаемся». При выдворении беженцев всякий раз раздаются призывы обеспечить им

* Перечисляются лозунги массовых протестов в Германии: против строительства угольных шахт на месте деревень; против вырубки участка леса Данненрёдер для расширения автомагистрали А49; против вырубки участка леса Лоссер для расширения автомагистрали А14 (слово *Moni* — сокращение от *die Monokultur*, «монокультура», поскольку лес Лоссер является монокультурным сосновым бором); против вырубки участка Фехенхаймского леса для расширения автомагистрали А66. — *Прим. пер.*

безопасное место пребывания*. И, если Союз охраны природы и биоразнообразия Германии отмечает подворья, которые проявляют заботу о ласточках³, специальными табличками, это лишь подтверждает, что гнезда, в которые неизменно возвращаются состоящие в свободных отношениях пары ласточек, должны остаться.

Однако то, что пребывание на месте становится требованием, еще не делает такое пребывание свободой. Может быть, речь скорее о безопасности? Или, в крайнем случае, о «сохранении жизни»? Возможно, все обстоит еще проще: имеется в виду охрана окружающей среды, защита прав меньшинств? И такой защите сегодня, можно сказать, вменяют в вину стремление ограничить свободу.

Действительно, вот уже несколько лет не существует более эффективного инструмента по дискредитации прогрессивных требований, чем апелляция к свободе. Главная ценность поколения 1968 года сегодня служит козырем предвыборных кампаний таких политиков, как Мелони, Болсонару и Трамп. Я не считаю, что это просто заимствование — скорее, речь идет об открытом проявлении разрыва, который внутренне присущ либеральной концепции свободы с момента ее возникновения. С одной стороны, современная свобода говорит нам, что мы все можем владеть частной собственностью и беспрепятственно распоряжаться определенными фрагментами мира. С другой — эта же самая свобода обязывает нас не нарушать права других индивидов. Мы должны осознавать существование границ, чтобы соблюдать взаимную свободу. Своего рода умеренная безмерность. И обе эти позиции резко противоречат друг

* Текст сокращен во избежание нарушения законодательства РФ. Здесь и далее все изменения согласованы с автором. — *Прим. ред.*

другу. Почти в каждой острой общественной дискуссии — об иммунизации населения, дискриминации, миграции или экологии — ситуация повторяется: каждый размахивает фрагментом расколотой свободы. С одной стороны — притязание на право собственности, с другой — необходимость уважать чужие границы. Кажется, мы уже готовы наброситься друг на друга с осколком свободы в руке.

Массовые протесты против депортации беженцев или разработки новых угольных карьеров можно рассматривать как высшую степень самоустранения. Когда звучит требование сохранить что-либо в неизменном виде, это неизбежно устанавливает новые границы в настоящем, что идет вразрез с идеями сторонников либерального подхода к собственности. Едва ли что-то сегодня олицетворяет это более наглядно, чем деятельность активистов экологического движения «Последнее поколение», которые приклеивают себя к асфальту. Они сами становятся своеобразной преградой. Напротив них стоят, покачивая головами, люди, повседневная жизнь которых и без того полна ограничений и которые не знают, как им справиться с еще одним препятствием. Некоторые из них буквально одержимы своим правом на движимое имущество: они выпрыгивают из автомобилей, грозят кулаками и используют лексику, от которой вянут не только растения, но и уши случайных прохожих. Именно безнадежно устаревшее, выхолощенное стремление владеть чем-либо, которое я называю «фантомным обладанием», с пугающей скоростью переходит в насилие.

Но неужели на этом все заканчивается? Разве дополнительные ограничения и есть цель протестов? Или же это всего лишь искаженный перенос более глубоких устремлений на язык привычных нам образов? А что, если главное

здесь — не перекройка границ, а пересмотр самого понимания наших взаимоотношений? Тогда позицию людей, которые настойчиво остаются в Лютцерате или блокируют взлетно-посадочную полосу в знак протеста, можно увидеть совсем иначе — не как экстремальную точку на известной нам плоскости, а как предвестие чего-то нового. Однако это новое — уже не плоскость, а, скорее, другое время. Ведь оставаться — значит выходить за пределы *пространственного воображаемого* либеральной свободы и обращаться к возможностям будущего. В пространственном измерении пребывание на месте не ассоциируется со свободой, но во временном — это ее полное воплощение.

Возможность оставаться здесь и оставаться свободным. Даже ограничения, связанные с пандемией, кажутся более обоснованными, если отделить их от свободы передвижения в настоящий момент. Речь шла о свободе когда-нибудь вновь беспрепятственно находиться среди других людей. Сейчас остаться дома, чтобы потом спокойно путешествовать: такой подход предполагает восприятие свободы скорее в категориях времени. Сейчас отказаться от авиаперелетов, чтобы потом иметь возможность дышать. Сегодня это актуально как никогда. Но возможно ли это вообще? Возможно ли связать наше понимание свободы с временем?

Будущая свобода

В своем знаменательном решении от 24 марта 2021 года Федеральный конституционный суд Германии постановил, что отсрочки в принятии мер по защите климата нарушают права человека. Если мы ничего не предпримем сейчас, следующему поколению придется столкнуться с еще

более суровыми ограничениями. Это означает, что сегодня мы пользуемся свободой за счет других. Суд называет эту точку зрения «межвременным обеспечением свободы», что и позволяет ему выдвинуть свою необычную — почти революционную — аргументацию. Обоснование решения расходится с привычным образом настоящего, в рамках которого право на свободу имеют только те, кто существует здесь и сейчас. Такая ориентация на будущее возможна лишь потому, что Федеральное правительство Германии подписало Парижское соглашение и взяло на себя обязательство сдерживать рост глобальной температуры в пределах 1,5 °C. Благодаря этому можно накладывать ограничения так, чтобы будущие требования не оказались бесконечными или чрезмерными. Сейчас можно точно определить, какие выбросы в атмосферу еще допустимы. Если общий бюджет израсходовать сразу, то, по логике вещей, потом от него ничего не останется. Аналогичным образом запоздалая разработка альтернативных видов транспорта отражается на будущем: больше транспортной мобильности сейчас означает меньше мобильности завтра.

Несмотря на значимость этого решения суда, важно не заикливаться на нем слишком сильно. Понятие свободы, о котором идет речь, все еще связано со свободой передвижения и ее ограничениями. Свобода, которую здесь требуют справедливо распределить, сводится к обладанию топливными ресурсами. Защита окружающей среды воспринимается как необходимость, но в то же время — как ограничение свободы. Идея о том, что свобода может заключаться в богатстве этого мира — живого, полного биологического разнообразия — или в коллективной силе, которая возникает из переосмысления нашего образа жизни, в решении суда не отражена.